

Судилище. Материалы и воспоминания о подготовке «суда чести» над академиком А.Р. Жебраком (1947 г.)

Э.А. ЖЕБРАК, **М.П. СОЛНЦЕВА**

Нюрнберг, Германия; m.solntseva@helpedv.de

От редакции

Публикуя новое свидетельство эпохи, воспоминания о сложном времени в истории биологической науки, нам хотелось бы предварить его поясняющим введением. Стоит отметить, что лысенкоизм как феномен советской науки исследуется давно и, казалось бы, уже не осталось ни белых пятен в его истории, ни событий, оставшихся без оценки исследователей, но это лишь поверхностное впечатление. В последние годы появляются публикации, претендующие на новую оценку противостояния лысенкоистов и генетиков, а также рассматривающих судьбу лысенковских идей во всем мире, включая страны, находившиеся вне сфер советского политического влияния (Япония, Франция, Италия и пр.). Лысенкоизму как феномену мировой науки были посвящены научные симпозиумы “Lysenkoism” (Нью-Йорк, 2009¹; Вена, 2012) и “Reconsidering the Lysenko Affair” (Токио, 2012), специальные выпуски журналов, в том числе “Journal of the History of Biology” (№ 3, 2012); «Историко-биологические исследования» (№ 2, 2011). Однако сравнительно немногие из этих работ основаны на новых архивных материалах. Для российских авторов в какой-то мере это можно объяснить тем, что сейчас наблюдается обратная, по сравнению с 1990-ми гг., тенденция, когда открывались всё новые и новые архивные источники. Сегодня многие документы, связанные с деятельностью Т.Д. Лысенко, И.И. Презента и их соратников, вновь стали труднодоступными. Ограничиваться же официальными изданиями советских лет, проходившими жесткую цензуру или даже содержащими изначально ложные сведения, не представляется разумным. Сегодня важными источниками остаются личные воспоминания участников тех событий, как написанные недавно, так и сохранившиеся в частных собраниях. Обладающие всеми достоинствами и недостатками источников личного происхождения, эти свидетельства дают возможность внести новые детали в, казалось бы, подробно прорисованную картину развития советской генетики и противостояния лысенкоизму, но требуют от исследователя вдумчивого анализа. Текст и справочный аппарат представлены в авторской редакции.

На юбилее Юрия Ивановича Полянского, которому больно досталось в годы лысенковщины, выступил Владимир Яковлевич Александров. Он начал так: ныне историкам говорят: «Не будем ворошить прошлое, сколько можно». Представьте себе, что будет с историей, если они исполнят эту просьбу?

Даниил Гранин. Причуды моей памяти

В новой Большой российской энциклопедии Жебрака Антона Романовича характеризуют не как великого борца с лысенковщиной, а как человека, который «подвергся т.н. суду чести и снят с поста президента АН БССР». И далее: «Формальным поводом послужила публикация в амер. журнале “Science” («Наука») статьи Ж., в которой он подверг критике антинаучную теорию Т.Д. Лысенко». Просьба, направленная в редакцию от родственников, изменить текст,

¹ de Jong-Lambert W. International Workshop on Lysenkoism // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 2. С. 139–141.



А.Р. Жебрак — президент АН БССР (1947 г.)

указав, хотя бы не повод, а причину «суда чести», не была принята. Жебраку выделено лишь 18 строк текста. В сведениях о нём представлена только книга Н.П. Дубинина (1988), которая искажает многие факты, относящиеся к жизни Жебрака, несмотря на то, что имеются более обстоятельные биографии, например, написанные директором белорусского Института генетики и цитологии Л.В. Хотылевой (1972) или В.К. Савченко (1980). Так и веет в современном издании лысенковщиной...

Антон Романович Жебрак родился 27 декабря 1901 г. (по новому стилю) в Белоруссии, в Гродненском уезде, деревня Збяны, в бедной крестьянской семье. В связи с оккупацией немцами этой области во время Первой мировой войны семья переместилась в Тамбовскую область, город Шацк. Поработав лесорубом и пройдя политические курсы, Жебрак записался добровольцем в Красную армию, когда ему не было и 18 лет. Он стал инспектором-организатором политотдела кавалерийской дивизии.

После демобилизации (1921) поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию (ныне Тимирязевскую). Окончив её, он продолжил обучение в Институте красной профессуры, а после него был направлен в США для приобретения опыта научной работы по генетике у Л. Денна и Т. Моргана. По возвращении в Москву (1932) он работал в Академии Социалистического земледелия (до 1935 г.) и на кафедре генетики Тимирязевской академии, где он был сначала доцентом, а потом её заведующим до 1948 г.

Наиболее широко известны его труды в области экспериментальной генетики, отдалённой гибридизации, полиплоидии и биологическим основам селекции разных видов пшениц, гречихи, проса и др., что определило его оригинальное направление целенаправленного синтеза новых типов растений. Жебрак первым применил скрещивание амфидиплоидов разных видов пшениц. Он получил устойчивые к заболеваниям гибриды, размножил их, доведя до сортоиспытания и внедрения в производство. Научные успехи выдвинули его в первые ряды генетиков и привели его к избранию академиком АН БССР (1940). После войны он был избран президентом Академии наук БССР (1947). Карьера Жебрака провоцировала зависть Лысенко и его приспешников, которые искали возможность остановить успешное продвижение ученого. Им удалось скомпрометировать его в момент развертывания политической кампании борьбы с преклонением перед иностранщиной. Как это получилось — представлено в этой работе.

В Беларуси чтят А.Р. Жебрака как национального героя. В Минске его именем названы улица и переулок. На стенах Института генетики и цитологии НАН Беларуси висит мемориальная панель, ему посвящены специальные генетические Жебраковские чтения. В книге «Академик А.Р. Жебрак», изданной в серии «Люди белорусской науки», собраны документы об Антоне Романовиче. Однако значительная часть этих документов, к сожалению, только позорит учёного. Его обвиняют в низкопоклонстве, предательстве и т. д. В биографии много неточных сведений и прямого искажения фактов; нет никаких комментариев по поводу происходящих тогда событий и оценок их с современной точки зрения. А это совершенно необходимо было сделать. Сын учё-

ного, Эдуард Жебрак, посвятил поиску архивных документов об отце много времени с целью его реабилитации перед научным сообществом, прочитав книгу, с отчаянием сказал: «На отца снова вылили ушат грязи...» Но он не успел подготовить свои материалы к печати и попросил это сделать меня. Не знаю, удастся ли осуществить задуманное, оправдать академика, и довести эту информацию до широких слоев читателей, приведя некоторые комментарии к документам.

Изданная в Белоруссии книга характеризует не его, это документ эпохи несвободной науки, руководимой сверху. Историки науки написали:

«Судьба А.Р. Жебрака, человека и ученого, напоминает: и сейчас опасно, и не только в науке, агрессивное невежество людей, считающих себя истиной в последней инстанции. Пассивность, покорность тех, кто готов служить не истине, а мнимым авторитетам в науке, обладающим административной властью, непозволительны. Жизнь А.Р. Жебрака — пример мужества и стойкости в отстаивании своих научных взглядов, тех принципов и идеалов жизни, которые, несмотря на все трудности и испытания, все-таки побеждают» (Есаков и др., 1991, с. 10).

Великое спасибо за эти слова В.Д. Есакову, Е.С. Левиной, Н.В. Токареву от всех, знавших Антона Романовича Жебрака и работавших с ним.

Американские статьи, послужившие началом истории

В разгар Великой Отечественной войны, 7 ноября 1942 г., в Национальном совете американо-советской дружбы профессором Колумбийского университета, известным генетиком животных Лесли Денном² был сделан доклад в связи с 10-летним юбилеем этой организации. Он был посвящён науке в СССР, в частности биологии. Доклад затем был изложен в виде короткой (8 страниц) информационной статьи и опубликован в журнале “Science” в январе 1944 г. (Dunn, 1944).

Л. Денн четко обозначил своё отношение к развитию биологии в СССР в духе большой доброжелательности. Тем не менее статья по своему объёму не могла претендовать на полный и всесторонний обзор научных исследований по биологии, проводимых в нашей стране. Автор оговаривал это обстоятельство и писал: «Я это делаю с очень ограниченным знанием советской биологии и говорю с уверенностью лишь о работе, которая тесно связана с моей сферой деятельности (то есть, с генетикой. — М.С.)». К сожалению, редакция не приняла во внимание оговорку Денна и последующие публикации проходили под неудачным названием «Советская биология», что послужило фундаментом для кривотолков и спекуляций со стороны сторонников «мичуринской биологии».

В статье Денн высоко отозвался о выдающихся русских учёных И.П. Павлове, С.И. Вернадском, внесших своими исследованиями большой вклад в мировую науку, и четко обозначил своё положительное отношение к развитию генетики в Советском Союзе:

«Большая жизненность советской биологии нигде не обнаруживается больше, чем в моем собственном поприще — генетике и связанной с ней цитологии <...> не может быть никакого сомнения в том, что наиболее ценные научные вклады поступили от США и СССР

²Л. Денн (Leslie Clarence Dunn) — соавтор учебника *Sinnott E., Dunn L. C. Principles of genetics*, переведенного на русский язык и трижды изданного в СССР (1931–1934).

и число работников, научных учреждений и качество работы этих двух стран вполне сравнимы <...> Генетика была признана в России одной из краеугольных дисциплин сельского хозяйства и медицины и получила хорошую поддержку. <...> Институт прикладной ботаники под руководством директора Николая Вавилова стал центром величайшей растениеводческой организации в мире. Сам Вавилов стал впоследствии мировым авторитетом по истории зерновых культур <...> От советских генетиков пришли новые идеи о структуре хромосом, происхождении мутаций и новые представления в отношении расположения наследственных единиц — генов. К 1940 г. Москва стала фактически важным центром работ этого рода» (Dunn, 1944, с. 3).

Денн восторженно отозвался о научных исследованиях не только Н.И. Вавилова, но и Н.К. Кольцова, Н.П. Дубинина, В.Н. Тимофеева-Ресовского, С.С. Четверикова, С.М. Гершензона и др. Он не упомянул И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко и ничего не сказал о дискуссиях по генетике, прошедших в нашей стране в 1936 и 1939 гг. Из-за этой односторонности статья Л. Денна вызвала неоднозначную реакцию у генетиков Америки.

Спустя 3 месяца, в апреле 1944 г., в том же журнале была опубликована полемическая статья профессора Гарвардского университета цитогенетика растений Карла Сакса, который внимательно следил за публикацией научных журналов и материалов дискуссий по генетике, издаваемых в СССР в предвоенные годы. Сакс открыто заявил, что материал Денна «не является реальным обзором существующего в настоящее время положения» (Sax, 1944, с. 298).

«Работа русских генетиков, селекционеров и цитологов в течение первых лет советского строя заслуживает высокой похвалы, так же как и Советское правительство за оказание щедрой помощи научным исследованиям. <...> Однако около 10 лет тому назад влияние советской политической философии начало сказываться на биологической науке и достигло своей наивысшей точки во время публичной дискуссии в 1939 году, касательно роли окружающей среды в наследственности <...> Нельзя себе представить более уничтожающего осуждения новой русской биологии» (там же, с. 299).

Сакс далее резюмирует основные черты проходившей в нашей стране дискуссии по вопросам генетики в 1930-е гг.:

«Вавилов, признавая влияние окружающей среды на развитие, подчеркивал успехи генетики и роль наследственности в селекции. Лысенко же, с другой стороны, поддерживал ламаркистскую (по его словам “дарвинистическую”) концепцию изменчивости и отверг менделевские законы наследственности и вообще генетику, как науку. Лысенко так же утверждал, что любые наследственные свойства могут быть переданы от одного поколения к другому без непосредственной передачи хромосом» (там же).

Сакс считал, что рассуждения Лысенко о так называемых «вегетативных гибридах», полученных от прививок, могли быть написаны в 1800 г.: «его взгляды не являются ни оригинальными, ни еретическими, а просто архаичными» (там же). С большим скептицизмом отозвался Сакс об опытах Лысенко по яровизации озимой пшеницы при её весеннем посеве:

«Озимая пшеница, отличающаяся от яровой лишь одним генетическим фактором, может выращиваться как яровая пшеница, если ее семена были предварительно смочены и охлаждены в течение нескольких недель перед посевом. Это открытие было сделано в США еще до Гражданской войны. Яровизации также приписывается свойство ускорять созревание других

культур. Эта техника была испытана во многих странах и показала отсутствие эффекта, который оправдал бы её коммерческое использование. Но она широко применяется в России»³ (там же).

Как ненаучную и надуманную оценивает Сакс догму Лысенко и Долгушина о селективной силе гамет, названной «браком по любви», а также умозрительное заключение этих авторов о том, что потомство от двух растений, выращенных в различных условиях среды, а затем скрещенных, дают потомство повышенной жизнеспособности и наследственности. «Лысенко и его коллеги, по-видимому, убедили политические власти, что только влияние окружающей среды имеет значение для улучшения растений» (там же).

Резко критикуя Лысенко и его единомышленников, Сакс высказывал большое сомнение относительно перспектив развития советской генетики: «С 1939 г. советские селекционные журналы заполнены статьями учеников Лысенко, но мы ничего не слышим о Вавилове, Карпеченко, Навашине и многих других талантливых ученых, которые были основоположниками русских генетико-селекционных исследований» (там же).

К. Сакс считал, что основным фактором подавления генетики в СССР является политическая философия, которая пронизывала всю науку. По его мнению, академик Митин, который сделал обзор дискуссии в 1939 г.,⁴ «более, нежели другие комментаторы выразил точку зрения Советского правительства» (там же).

Написанная в разгар Второй мировой войны статья заканчивается следующей фразой: «Наши восхищения русским народом и военной мощью Советской республики не должны закрывать нам глаза на то обстоятельство, что наука не свободна в тоталитарных странах, где она должна приспособляться к политической философии» (там же).

Хотя Сакс в своей статье несколько расширил представление зарубежных читателей об основных принципах работы Лысенко и его сателлитов, а также о научной полемике по генетике, которая проходила в нашей стране, тем не менее статья односторонне освещала развитие и уровень генетических исследований в предвоенные годы, как бы целиком находящихся под эгидой и контролем Лысенко.

Статья А.Р. Жебрака как ответ на статью К. Сакса

В конце 1944 — начале 1945 г. заведующий кафедрой генетики Тимирязевской академии профессор А.Р. Жебрак обратился с письмом ко второму секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. В нём он сообщил, что проблемы генетики в Советском Союзе

³ Опытами П.И. Лисицына и П.Н. Константинова также была показана полная бесперспективность приёма яровизации зерновых культур по методу Лысенко. Тем не менее решениями ЦК ВКП(б) и директивными указаниями по подъёму сельского хозяйства страны этот прием повсеместно навязывался зерновым хозяйствам. В 1940 г. площадь посева под яровизированными культурами достигла 16 млн га.

⁴ В Москве 7–14 октября 1939 г. проходило Всесоюзное совещание по генетике и селекции, организованное редакцией журнала «Под знаменем марксизма». Куратором совещания был философ М.Б. Митин, зам. директора института философии АН СССР, наделённый большими полномочиями и личной поддержкой И.В. Сталина. По окончании совещания Митин дал оценку общественно-политического значения дискуссии. По его мнению, шла борьба между передовым («мичуриновская биология») и консервативными направлениями в генетике. Классическую генетику Митин назвал «отсталым течением, придерживающимся устаревших догм в науке и мешающим нашей практике двигаться вперед».

обсуждаются в научном журнале США, что автор статьи указывает на подавление генетики в Союзе и что такая необъективная информация, представляемая иностранцами, затрагивает патриотические чувства советских генетиков. Жебрак настаивал, что на статью Сакса необходимо откликнуться и дать объективную оценку развития генетики в СССР, написанную советскими учеными, и опубликовать её в том же журнале, где появилась клеветническая статья Сакса.

А.Р. Жебрак прекрасно понимал, что развитие генетики у нас сдерживается руководящими органами партии. Но надо было довести до руководства мысль о необходимости изменения такого положения. И опубликованные в США статьи по поводу состояния генетических исследований в Советском Союзе показались ему хорошим поводом для изменения такого положения. Жебрак обоснованно считал, что ликвидировать тяжёлое положение советской генетики, устранить в ней монопольное положение Т.Д. Лысенко, невозможно без вмешательства политического руководства страны.

Осознавая ту ответственность, которую он нёс перед отечественной генетикой, отправляя это письмо Маленкову, Жебрак ознакомил с предварительным вариантом этой статьи своих единомышленников — академика АН СССР Д.Н. Прянишникова, академиков ВАСХНИЛ П.Н. Константинова, П.И. Лисицина, Е.Ф. Лискуна, А.С. Серебровского, профессоров Н.П. Дубинина и М.С. Навашина.

В своем письме Жебрак просит Г.М. Маленкова о личной встрече для «заслушивания соответствующей информации. Моя просьба о личной беседе с Вами вызывается еще и тем, что деятельность Лысенко в области генетики, “философские” выступления его многолетнего соратника И.И. Презента, утверждавшего, что генетику над отвергнуть, т. к. она, якобы, противоречит принципам марксизма, и выступление т. Митина, определившего современную генетику как реакционное консервативное направление в науке, привели к падению уровня генетической науки в СССР. Не приходится сомневаться, что если бы не грубое административное вмешательство со стороны ак. Лысенко, как Президента ВАСХНИЛ и директора Института генетики АН СССР, разрушившего организацию генетической науки и не опорачивание генетики, которая была объявлена социально реакционной дисциплиной со стороны руководства дискуссий 1936 г. и дискуссий 1939 г., то в настоящее время мы были бы свидетелями огромного расцвета генетической науки в СССР и ее еще большего международного авторитета. Необходимо принять, что деятельность ак. Лысенко в области генетики наносит серьезный вред развитию биологической науки в нашей стране и роняет международный престиж Советской науки»⁵.

В заключение А.Р. Жебрак высказывает соображения, которые могут помочь делу развития советской генетической науки:

«1. Необходимо обеспечить развитие генетико-цитологических и селекционных работ в системе ВАСХНИЛ, чего сейчас нет в силу нетерпимости ак. Лысенко. Задержка этого принесет серьезный урон сельскохозяйственной науке и практике.

2. Изменить руководство Институтом Генетики АН СССР и обеспечить в нем разработку проблем генетической науки.

3. Обеспечить публикацию работ по генетике. В случае возможности, создать Советский генетический журнал.

4. Создать нормальную общественную обстановку для работ по генетике. Учитывая вред выступлений ак. Лысенко, Митина и др.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. № 360. Л. 9 об.

5. Командировать, по возможности, представителей генетической науки в Америку и в Англию для обмена опытом и для ознакомления с успехами генетики в области теоретических проблем и в приложении к сельскому хозяйству»⁶.

К письму было приложены английские тексты статей профессоров Денна и Сакса, а также переводы к ним. Реакции на это письмо долго не было. А.Р. Жебрак за это время обдумывал проблему и готовил текст ответной статьи Саксу. Через некоторое время разрешение было получено (подробности этого рассмотрим ниже), и в октябре 1945 г. статья была напечатана (Zhebrak, 1945). Правда вскоре статья исчезла из советских библиотек — была изъята цензурой. Текст на русском языке сохранился в домашнем архиве документов А.Р. Жебрака, откуда мы его и приводим.

Советская биология

В журнале "Science" были напечатаны две статьи о советской биологии. Статья профессора Денна (1944, vol. 99, № 2561, p. 65–67) дает, в общем, правильное представление о положении, которая занимает советская биология в мировой науке, и то новое, что внесено социальным устройством СССР для развития науки. Общий тон статьи проф. Денна свидетельствует о глубоком понимании существа России и его желании развивать дружеские отношения между учеными и правительствами наших стран.

Профессор Сакс в своем ответе проф. Денну (1944, vol. 99, № 2572, p. 298–299) неправильно изложил общее положение биологии в СССР. Он поднимает ряд политических вопросов и утверждает, что в СССР советская политическая философия угнетает науку и что биологическая наука не имеет свободы для своего развития. Утверждение проф. Сакса основано всецело на его представлении о положении генетики (его специальности) в СССР в настоящее время.

Профессору Саксу и другим американским генетикам будет, вероятно, приятно узнать, что его (проф. Сакса) утверждения отражают непонимание им настоящего положения вещей и что фактически наука генетика успешно развивается в Советском Союзе.

С успехом работают ряд крупных генетических лабораторий: лаборатория генетики б. Института экспериментальной биологии, ныне Института цитологии АН СССР (дир. проф. Дубинин), лаборатория генетики растений Тимирязевской с/х академии (дир. проф. Жебрак), лаборатория генетики Московского университета (дир. проф. Серебровский), лаборатория по генетике рыб (рук. проф. Ромашов), лаборатория генетики Горьковского университета (дир. проф. Четвериков), лаборатория по селекции растений Тимирязевской с/х академии (дир. проф. Лисицын), лаборатория генетики Украинской академии наук (дир. проф. Гершензон), лаборатория генетики Воронежского государственного университета (дир. проф. Петров) и др.

На генетической конференции в Московском Государственном университете, которая собрала многочисленную аудиторию ученых (12–19 декабря 1944 г.) были обсуждены успехи и задачи советской и мировой генетической науки.

В числе зачитанных докладов был доклад проф. Дубинина на тему «Основные проблемы генетики», доклад проф. Серебровского «современное положение генетики», проф. Жебрака «Проблемы полиплоидии». Крупные успехи были получены в области полиплоидии растений. Создано много новых растительных форм. Эти исследования мало известны за границей, хотя некоторые из моих работ по развитию новых видов пшениц получили отклик в журналах.

⁶Там же. Л. 10.

Сахаров и Лутков получили новые разновидности гречихи, Навашин — кок-сагыза (названный в Америке русским одуванчиком), Лутков — льна, Рыбин — конопля и др. Работы этих ученых открывают прекрасные перспективы перед селекцией указанных культур. Лица, знакомые с русской генетической литературой более раннего периода, узнают большинство перечисленных выше имен ученых, сделавших выдающиеся вклады в науку задолго до начала дискуссии, о которой проф. Сакс так резко выражается. Их положение в настоящее время является само по себе свидетельством о том, что карьера генетиков не пострадала от вышеуказанной дискуссии. Важные успехи достигнуты в области исследования тонких структур изменчивости хромосом, являющихся материальными внутриклеточными носителями наследственности. Профессор Навашин, о котором проф. Сакс специально упоминает среди перечня имен ученых, о которых он ничего не слышал с научной точки зрения, опубликовал за время с 1939 г. 4 статьи и в 1944 г. сдал в печать еще две статьи. Эти работы представляют продолжение отличной работы по цитогенетике, за которую его так высоко ценили в США, так и в СССР. Эти работы свидетельствуют о том, что он не был вынужден прекратить или изменить свою научную деятельность под влиянием политического давления.

К сожалению, профессору Саксу, по-видимому, не известны эти работы, поскольку он считает современную советскую биологию и в особенности генетику отождествленными с именем академика Лысенко. Он критикует ошибочные взгляды академика Лысенко и ему кажется, что критика касается не только академика Лысенко, но и основных устоев советской биологии и отношения советского правительства к науке.

Это глубокое непонимание, возможно, возникло отчасти вследствие затрудненных за последние годы способов сообщения между США и Советским Союзом, в результате чего в руки профессора Сакса и не попали работы, перечисленные выше. Действительно же положение вещей таково.

Академик Лысенко, будучи ученым агрономом, сделал ряд практических предложений, которые были оценены советским правительством.

Кроме того, академик Лысенко сделал попытку пересмотреть ряд основных положений генетической науки. Его взгляды многими советскими генетиками не только не были поддержаны, но, напротив, были подвергнуты резкой критике.

Советское правительство никогда не вмешивалось в делящуюся уже около 10 лет дискуссию по вопросам генетики. Академик Лысенко был награжден Советским правительством за свою работу в области практической агрономии, а не за свои взгляды или опыты по вопросам генетики. С другой стороны, наши селекционеры-генетики, некоторые из которых создали основные сорта зерновых культур (академик Константинов, академик Лисицин, доктор Шехурдин, профессор Юрьев, профессор Жебрак и ряд других) неоднократно выступали с исключительно резкой критикой селекционно-генетических положений академика Лысенко и также награждены правительством СССР.

Эти факты служат подтверждением того, что критика генетики академиком Лысенко, основанная на чисто умозрительных и наивных заключениях, при всей своей агрессивности не может нарушить успешного развития генетики в СССР.

Тот факт, что академик Лысенко является директором института генетики АН СССР, вовсе не означает, что другие советские генетические школы притесняются в своей деятельности. Неправильно было бы отрицать всякое влияние деятельности академика Лысенко на развитие генетики в СССР, однако это влияние осуществлялось в условиях свободной борьбы мнений между сторонниками различных научных воззрений и принципов, а не посредством политического давления, как говорит профессор Сакс.

Развитие науки в СССР сочетает централизованное планирование с творческой инициативой отдельных, децентрализованных лабораторий.

За годы войны мы являемся свидетелями исключительного развития науки в СССР, и в частности теоретической науки. В истекшем 1944 г. созданы 4 новых академии наук (Академия медицинских

наук, Академия педагогических наук РСФСР, Академия наук Узбекской ССР, Академия наук Армянской ССР). Велико развитие науки в университетах и других учебных заведениях.

Из этого очерка можно видеть, что наука может быть свободной в социалистическом государстве, которое д-р Сакс неправильно называет тоталитарным. Профессор Сакс не понимает сущности советской концепции о связи науки, практики и философии, по которой общая материалистическая философия природы может развиваться только на основе развития отдельных наук; он, поэтому, неправильно заявляет, что будто бы в нашей стране «наука прислуживает перед политической философией».

Вследствие этого непонимания профессор Сакс не осознал, что заявление академика Лысенко относительно отрицания им менделевского расщепления, базируясь, якобы, на принципах философии диалектического материализма имеет мало общего с серьезным развитием философии в Советском союзе. Диалектический материализм базируется на реальных фактах и никогда их не отрицает. Поэтому философия диалектического материализма, при правильном ее понимании, не может препятствовать развитию генетики. Наоборот, эта философия является мощным орудием в руках ученого, который в совершенстве овладел ею, и она помогает ему в разрешении сложных теоретических вопросов.

Ссылка профессора Сакса на "Science and Society" отражает ошибочное мнение редакции этого журнала. В своем выступлении в 1939 г. академик Митин выразил лишь свою точку зрения, а не точку зрения Советского правительства.

Несомненная сила и жизненность Советского государства вызвана тем, что ее основатель В.И. Ленин сам прошел большую школу науки и философии диалектического материализма и его продолжатель И.В. Сталин продолжил и усилил научную и философскую основу нашего государства. Всему миру известны достижения Советского Союза во всех отраслях знания. Они достигнуты исключительно благодаря вниманию, которое Советское правительство уделяло развитию всех видов науки.

Развитие науки и культуры в нашей стране было одним из решающих факторов наших побед над армиями фашистской Германии и ее сателлитов, опиравшихся на производственную мощь всей Европы.

Русские ученые высоко ценят ученых Америки и их крупные вклады в сокровищницу мировой науки. Они с уважением относятся к демократическим принципам американского общества, которым угрожала гитлеровская реакция в одинаковой степени, как и нашим советским порядкам, являющимся выражением высшей формы демократии, поскольку у нас все органы государственной власти выбираются всем народом на основе нашей демократической конституции.

Работая в области биологической науки, мы вместе с американскими учеными строим общую мировую биологическую науку.

Мы надеемся, что это досадное непонимание основных идей нашей страны и путей развития нашей науки будет скоро рассеяно, и что в будущем ученые обеих стран будут совместно двигаться вперед в атмосфере взаимного понимания и товарищества.

Антон Р. Жебрак
Тимирязевская сельскохозяйственная Академия
Москва, СССР

Опубликованная в журнале "Science" статья Жебрака (Zhebrak, 1945), несмотря на краткость, показала зарубежным читателям масштабы и уровень генетических исследований, проводимых в СССР в 1940-е гг. Ещё до её появления в журнале "Science" была опубликована ещё одна статья Денна (Dunn, 1945), где он сообщал о научных связях США и России во время войны, очень интенсивным обменом научными книгами и журналами и т. д. Он как бы отвечал на статью Сакса. Но профессор Сакс не закончил дискуссии. В ответной статье Жебраку (Sax, 1945) он задаёт ряд вопросов, на которые тот ответить не мог:

«Что случилось с Карпеченко, генетиком, положившим основы работы по аллополидии гибридов, которые Жебрак развивает так успешно? Где Вавилов, один из величайших генетиков мира?

Вавилов был избран председателем Международного генетического конгресса в Эдинбурге в 1939 году, но там Вавилов не присутствовал и мы о нём с тех пор ничего не слышим. Теперь у нас есть сведения из нашей национальной академии, что он умер. Как он умер и почему?

Никто из советских ученых не присутствовал на Международном ботаническом конгрессе в Амстердаме в 1935 году и международном генетическом конгрессе в Эдинбурге в 1939 году. Может быть, недостаток средств держит их дома? Но Китай и Индия были представлены.

Изоляционизм в науке или в другой области не может иметь место в современном мире. Мы надеемся, что сможем вскоре возобновить связи и личное общение с нашими русскими друзьями и коллегами» (Sax, 1945, с. 299).

Усилия А.Р. Жебрака по нормализации положения в генетике в 1945–1946 гг.

Получивший письмо от Жебрака в начале февраля 1945 г. Г.М. Маленков, зная отношение Сталина к Лысенко, заниматься генетикой не хотел и изыскивал пути переложить этот груз на чужие плечи. Очевидно, после переговоров Г.М. Маленкова и Г.Ф. Александрова⁷ было решено, что раз вопрос связан с иностранными учёными, пусть этими проблемами занимается член ЦК, ведающий международными отношениями, то есть В.М. Молотов (который именно в эти дни был занят ялтинской встречей глав держав антигитлеровской коалиции).

Поэтому только 16 апреля 1945 г. А.Р. Жебрак был приглашён к В.М. Молотову, и состоялся длительный разговор о положении в генетике и её значении для развития медицины и сельского хозяйства страны. Говорили и о статье в “Science”. Молотов согласился с необходимостью публикации этой статьи и посоветовал обсудить это письмо на антифашистском комитете и согласовать с ним текст.

Антифашистский комитет советских учёных обсудил проблему и поручил Жебраку ответить статьёй на дискуссию в “Science”. Статья была доработана, отредактирована и переведена в этом комитете. Она была сначала направлена Г.Ф. Александрову. Запрета на публикацию не было. Далее статья была передана сотруднику Совинформбюро А.С. Кружкову⁸, который, будучи главным цензором страны, тоже не сделал к статье никаких замечаний. Совинформбюро и переслало статью 25 апреля 1945 г. Она вышла в свет в октябре того же года (Zhebrak, 1945).

После встречи А.Р. Жебрака с В.М. Молотовым изменилось отношение к генетике в «верхах», и в ЦК стал обсуждаться вопрос о создании нового института генетики. А в Белоруссии ещё до этого, 21 февраля 1945 г., Президиум АН БССР выдвинул Жебрака на соискание Сталинской премии за выдающуюся работу по синтезу новых видов пшениц (Академик А.Р. Жебрак, 2007).⁹

⁷ Г.Ф. Александров был в то время начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

⁸ Впоследствии директор Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), чл.-корр. АН СССР.

⁹ В книге «Академик А.Р. Жебрак» (2007) сообщается, что Жебрак не стал лауреатом Сталинской премии: «В феврале 1947 г. комитет по Сталинским премиям <...> возвратил АН БССР

Общественная деятельность Жебрака не прекращалась. В марте 1945 г. он был участником антифашистского Славянского собора, проведенного в Болгарии. Сразу после капитуляции Германии (май 1945 г.) он был командирован в США в составе Белорусской делегации для подписания учредительных документов ООН. Антон Романович продолжал работу по восстановлению АН БССР, был членом Президиума и исполняющим обязанности её вице-президента, продолжая одновременно заведовать лабораторией генетики и цитологии в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

После встречи с В.М. Молотовым А.Р. Жебрак получил предложение стать сотрудником отдела Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). В этой должности он, к сожалению, проработал лишь до апреля 1946 г. В это время он занимался подготовительной работой по организации нового института генетики. Уже через месяц после начала работы в Комитете Жебрак вновь обращается к Молотову с письмом в связи с необходимостью ускорения создания генетического института и журнала, издания переводной генетической литературы и просит принять его для личной беседы. Это письмо сопровождается двумя приложениями.

В приложении № 1 «Об институте Цитологии, гистологии, эмбриологии АН СССР» указывалось, что

«институт находится в неопределённом положении. Хотя все основные цитогенетические кадры сосредоточены именно в этом институте и могли бы развивать проблемы эволюционной генетики, но тематика отклоняется в сторону частной эмбриологии, гистологии и цитологии. Директор этого института академик А.А. Заварзин обратился ещё в марте текущего года с письмом к вице-президенту АН СССР Л.А. Орбели относительно реорганизации института с выделением работ по проблемам генетики в самостоятельное учреждение. Академик Заварзин писал:

Необходимость развития работ по эволюционной генетике и действительно очень велика. Создание этого направления является заслугой нашей отечественной науки. Это было сделано в работах последних 10–15 лет, проведенных Четвериковым, Дубининым, Ромашовым и др. Эти работы получили серьезный отклик и полное признание в науке Америки, Англии и др. стран, и сейчас крупные генетические школы этих стран (гл. образом Америки) разрабатывают идеи и методы русских генетиков в области эволюции популяций.

К сожалению, обстоятельства сложились так, что наши отечественные зачинатели в генетике сейчас не могут развивать столь многообещающее и уже столь много давшее направление в науке. Это приводит к тому, что русская наука постепенно теряет руководящее положение в этой области знания, переходящее к американцам. При этом кадры, работавшие в этой области, высоко квалифицированы и, конечно, если предоставить им необходимые условия для экспериментальной работы, то они опять внесут серьезный вклад в экспериментальное и теоретическое развитие эволюционной генетики.

Надо сказать, что приблизительно в таком положении находятся и многие другие разделы генетики. Мы являемся свидетелями крупных успехов современной генетической науки.

материалы А.Р. Жебрака, представлявшиеся в Комитет» (с. 36). Не было отмечено, что в том году, в связи с сильным неурожаем 1946 г., эта премия вообще не присуждалась. С другой стороны, в книге имеется лестная характеристика, данная Президентом АН БССР К.В. Горевым, в которой говорится, что Жебрак «успешно работал по экспериментальному получению амфидиплоидных типов пшениц. Им создано 3 новых хромосомных группы <...> Он успел вывести из Белоруссии ряд <...> ценных популяций местных пшениц и в годы Великой Отечественной войны отселектировал их, размножил и <...> передал НКЗ БССР около 3 тонн элитных семян озимых пшениц своей селекции» (Академик А.Р. Жебрак, 2007, с. 39).

Исследуется генетическое строение хромосом в клетке с привлечением химии, физики, цитологии т. д., разрабатываются методы получения новых наследственных форм путем удвоения числа хромосом при гибридизации и без нее (полиплоидия), а также при воздействии внешних факторов на клетку (температура, ультрафиолетовое облучение, X-лучи и т. д.), изучаются процессы взаимодействия генов ядра и протоплазмы клетки, исследуется роль наследственности в процессах развития особи, генетика сельскохозяйственных животных и растений и т. д. Генетика входит обязательным элементом общебиологического синтеза в области проблем наследственности, развития и эволюции. Во всем мире идут интенсивные генетические исследования, создаются крупные институты и лаборатории, выходят генетические журналы, печатаются монографии и сводки.

К сожалению, у нас кадры генетиков-специалистов, которые имеют возможность серьезно разрабатывать нашу отечественную науку, в основном распылены. А часто не работают по своей специальности.

Я считал бы современным поставить вопрос об организации работ по генетике. Необходимо организационно оформить развитие одного из крупнейших отделов современной биологии в виде работ отдельного учреждения. В таком случае все вопросы, которые сейчас стоят, были бы естественно разрешены.¹⁰

В заключение А.Р. Жебрак резюмировал, что реорганизация этого института «подготовлена всем ходом его внутреннего развития <...> и его следовало бы превратить в Институт экспериментальной генетики и цитологии».

В приложении № 2 говорится:

«1. Рекомендовать Президиуму Академии наук СССР преобразовать Институт цитологии, гистологии и эмбриологии в Институт экспериментальной генетики и цитологии.

2. Разрешить Институту экспериментальной генетики и цитологии издание Советского Генетического Журнала»¹¹.

Идея создания нового института была одобрена в ЦК ВКП(б). В начале 1946 г. шла подготовка к выборам академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Президиум АН БССР выдвинул к избранию действительного члена АН БССР, доктора биологических наук, профессора А.Р. Жебрака. Жебрак обратился к Маленкову с просьбой, «учитывая необходимость развития генетики в стране», выделить для генетиков две вакансии действительных членов академии, или хотя бы одну, по специальности «цитология и генетика растений»¹². Комиссию АН СССР по проведению выборов он просил выделить для генетиков 2 места членов-корреспондентов. Кандидатуры — Н.П. Дубинин и А.А. Алиханян.

Ещё в 1945 г. истёк срок полномочий членов Президиума АН СССР, среди которых был, введённый в его состав в 1942 г. Т.Д. Лысенко. При обсуждении персонального состава членов Президиума АН СССР выяснилось, что Лысенко не пользовался авторитетом в АН СССР, редко посещал заседания Президиума, и по существу не вёл никакой работы там. То же относилось и к Митину. Президент АН СССР С.И. Вавилов и академик-секретарь Н.Г. Бруевич предложили исключить из нового состава Президиума и Лысенко, и Митина. Об этом предложении они сообщили Молотову. Молотов

¹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. № 360. Л. 24—26.

¹¹ Там же.

¹² Там же. № 449. Л. 48—49.

не решил это единолично, на документе есть надпись: «т.т. Берия, Маленкову, Микояну. Надо обсудить». Сведений об этом обсуждении нет.

Куратором АН в ЦК был в то время начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров. Он написал Молотову и Маленкову о том, что шансы Лысенко стать членом Президиума невелики. При последних выборах в 1942 г. он получил «36 из 60, меньше, чем кто-либо иной... Необходимы специальные указания членам Президиума и серьезная работа с академиками, чтобы кандидатура акад. Лысенко получила требуемое большинство голосов». После получения таких указаний и работы, как с членами Президиума, так и с рядовыми академиками, Лысенко всё же был избран в Президиум АН СССР (Есаков и др. 1991).

На расширенном заседании Президиума АН СССР 18 июня 1946 г. Президент АН С.И. Вавилов с целью расширения генетических исследований предложил разделить существующий Институт цитологии, эмбриологии и гистологии на два института и обратиться с предложением о создании нового института — Института генетики и цитологии — в ЦК ВКП(б). Проект представил А.Р. Жебрак, которого и предполагалось назначить директором этого института (подробнее см.: Жебрак, Солнцева, 2012). Создание института приветствовалось академиками.

Будучи академиком АН СССР и членом президиума, Т.Д. Лысенко был на расширенном заседании Президиума, где решалась проблема создания нового института генетики, и только он резко возражал против создания такого института. Несмотря на его возражения, Вавилов поставил этот вопрос на голосование. Только два голоса было подано против создания нового института. За предложение Лысенко проголосовал он сам и филолог академик Н.С. Державин. Позднее Лысенко подал в Президиум своё особое мнение, в котором доказывал, что достаточно только одного (его) института генетики, утверждая, что этот новый институт будет развивать только морганизм-менделизм. Предложение Вавилова о создании нового института было одобрено собравшимися академиками.

Работа по созданию нового института шла полным ходом. Был составлен план работ, к созданию которого Жебрак привлек Н.П. Дубинина, проводились консультации и с другими учёными. Обсуждались количество и названия отделов и лабораторий, подбирались кандидатуры их заведующих, персональный состав института и др. Найдено было помещение (Сойфер, 2002), приказом Совета Министров переданное новому институту, утверждено штатное расписание. Президиум АН СССР составил документ предложений о создании нового института, и к нему были приложены проект Постановления Совета Министров, подписанный С.И. Вавиловым и академиком-секретарем Н.Г. Бруевичем, список сотрудников, подавших заявление в новый институт, а также особое мнение Лысенко.

С.И. Вавилов и Н.Г. Бруевич направили заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии все эти документы с просьбой разрешить АН СССР реорганизовать институт цитологии, эмбриологии и гистологии и разделить его на два: а) Институт цитологии, эмбриологии и гистологии и б) Институт генетики и цитологии.

Эти документы поступили к Берии 24 января 1947 г. Он хорошо знал об отношении Сталина к Лысенко, поэтому сам разбираться с делом не стал. Он послал материал в ЦК ВКП(б) к А.А. Кузнецову с резолюцией «Прошу рассмотреть и решить в ЦК ВКП(б). Л. Берия»¹³.

¹³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. № 547. Л. 113–121.

Тем временем на сессии Академии наук состоялись выборы действительных членов и член-корреспондентов (29 ноября — 4 декабря 1946 г.). Единич действительных членов по генетике не выделили, но баллотировались две единицы член-корреспондентов. Были избраны Н.П. Дубинин и С.И. Алиханян, предложенные А.Р. Жебраком. Кандидатуры, предложенные Лысенко, не прошли. Силы генетиков в АН укреплялись.

В ВАСХНИЛ под руководством Лысенко дела шли очень плохо. Сельское хозяйство было в упадке. Стало ясно, что обещания Лысенко в подъеме урожайности зерновых были пустым звуком. Все его предложения по повышению сельскохозяйственного производства не принесли успехов. В Управление пропаганды и агитации ЦК постоянно поступали жалобы учёных на Лысенко. Он занял монопольное положение в науке. Все журналы сельскохозяйственного профиля публиковали статьи только его сторонников. Невозможно было опубликовать статьи, критически относящиеся к его взглядам. Лысенко был груб и нетерпим к учёным иного направления. Наконец, появились материалы, направленные в Отдел науки Агитпропа, говорящие о вреде, который наносит Лысенко своей деятельностью сельскому хозяйству, науке и престижу Советского Союза.

Терпение ЦК кончилось. Для того чтобы разобраться с ситуацией в ВАСХНИЛ была создана специальная комиссия в числе трёх человек. В результате её работы заместителем начальника Агитпропа С.Г. Суворовым был подготовлен доклад. Предварительно текст доклада был разослан секретарям ЦК — А.А. Жданову, А.А. Кузнецову и Г.М. Попову. В середине апреля 1947 г. назначалось заседание Организационного бюро ЦК ВКП(б) по вопросу «О положении в ВАСХНИЛ». С материалами этого доклада можно ознакомиться в последних номерах «Известий ЦК КПСС» 1991 г. (Есаков и др., 1991). В докладе говорилось:

«Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина значительно отстает в своей работе от требований и запросов, предъявляемых к ней сельским хозяйством <...> Ограниченный круг научных проблем, разрабатываемых в Академии сельскохозяйственных наук, а также разногласия среди ее действительных членов привели к тому, что большинство из них фактически прекратило работу в академии» (Есаков и др., 1991, с. 138).

Плохо обстояло дело и с руководящими кадрами Сельскохозяйственной академии. Институтами руководили малоизвестные в науке люди, не имеющие учёных степеней и званий. Было совершенно очевидно, что необходимо пополнение Академии новыми высококвалифицированными кадрами. Требовалось провести выборы действительных членов ВАСХНИЛ и член-корреспондентов. Этому противился Лысенко, боясь проникновения в неё людей иных взглядов. Выборы новых членов академии Лысенко связывал с решением «методологических и организационных вопросов правительством Союза СССР».

Под решением методологических вопросов понималось признание единственно верным мичуринского направления в науке. В этом же документе излагалась суть разногласий, в понимании Лысенко.

«В живом теле нет никакого отдельного <...> наследственного вещества. Под наследственностью <...> мы понимаем <...> свойство живого тела — жить, расти, развиваться. Все это идет через обмен веществ <...> живого тела с внешней средой. <...> Изменяя условия жизни, можно изменять построение тела организмов. <...> И этим самым соответственно воздействию условий внешней среды направленно изменять наследственность, т. е. природу организмов. Моргани-

сты же принимают наличие в теле специального наследственного вещества (никому неизвестного), которое не подвержено <...> такого рода изменениям. Поэтому согласно этому учению, условиями жизни нельзя изменить природу организмов» (Есаков и др., 1991, с. 139–140).

Секретари ЦК не смогли разобраться в представленных «теоретических» положениях Лысенко. Они вынесли решение обсудить создавшееся положение в ВАСХНИЛ на Оргбюро ЦК ВКП(б) 16 апреля 1947 г.¹⁴ На заседании Оргбюро, согласно протоколу № 303, присутствовали члены Оргбюро ЦК ВКП(б) Александров, Андрианов, Булганин, Жданов, Кузнецов А., Маленков, Мехлис, Михайлов, Попов, Родионов, Суслов, Шаталин, члены ЦК ВКП(б) Борков, Пегов, Поспелов, Скворцов, кандидаты в члены ЦК ВКП(б) Бенедиктов, Калнберзин, Кафтанов, Снечук и редактор газеты «Известия» Ильичев.

Вторым вопросом слушали вопрос «О положении во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина». Выступали Борков, Лысенко, Жданов, Маленков. Постановили: «Заслушать на Оргбюро ЦК ВКП(б) в первой половине июня 1947 г. доклад Президента ВАСХНИЛ т. Лысенко о деятельности академии»¹⁵.

При подготовке материалов к заседанию Оргбюро ответственными сотрудниками ЦК была составлена справка о деятельности ВАСХНИЛ, в которой, в частности, говорилось: «Считаем, что создавшаяся в Академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина обстановка не способствует решению важнейших вопросов подъема сельскохозяйственной науки. Полагаем, что какова бы ни была оценка споров и разногласий в области агробиологии, нельзя все же ставить в зависимость от этих споров судьбу всей сельскохозяйственной науки в стране и держать Академию сельскохозяйственных наук в состоянии прозябания <...>» (Есаков и др., 1991, с. 140).

Таким образом, большой круг руководящих работников Центрального комитета, наконец, узнал о вопиющем неблагополучии в системе ВАСХНИЛ и необходимости смены «власти» и о том, что ВАСХНИЛ могла бы быть подвергнута крупной реорганизации.

После такого обсуждения Лысенко не ждало ничего хорошего. Он стал искать выход. Надо было переключить внимание к ВАСХНИЛ и устроить какой-нибудь скандал.

Борьба сторонников Лысенко с А.Р. Жебраком в 1947 г.

Послевоенные годы отмечались значительными идеологическими мероприятиями. 12 мая 1947 г. Сталин встретился с писателями Фадеевым, Горбатовым, Симоновым и предложил начать борьбу с низкопоклонством перед западом. Спустя много лет Симонов, вспоминая об этой встрече, пишет: «Борьба эта очень быстро стала просто и коротко формулироваться как борьба с низкопоклонством перед границей и так же быстро приняла разнообразные уродливые формы, которыми почти всегда отличается борьба, превращаемая в шумную политическую кампанию, приобретающую опасные элементы саморазвития» (Симонов, 1990, с. 113).

Идеологические мероприятия были изложены на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1946 г. под председательством И.В. Сталина, который определил основные направления этой кампании. С начала 1947 г. в стране развернулась широкая идеологическая кампания борьбы с низкопоклонством в сознании советских людей перед

¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. № 303. Л. 122а.

¹⁵ Там же.

тлетворным влиянием буржуазной идеологии, за перевоспитание советской интеллигенции, деятелей науки и культуры в духе советского патриотизма. По поручению Сталина основным идеологом этой кампании стал секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов.

Сначала появилось Постановление Совета министров СССР «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».¹⁶ Уничтожающей критике подверглись Зощенко и Ахматова.

В марте 1947 г. принято постановление Совета Министров СССР «О судах чести в Министерствах СССР и центральных ведомствах». В июне 1947 г. на организованном при Министерстве здравоохранения СССР «суде чести» произошло заседание в отношении к профессорам Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскину, которым был вынесен общественный выговор за антигосударственные и антипатриотические поступки, состоявшие в их контактах с американскими учёными.

По материалам «суда чести» в ЦК ВКП(б) было составлено закрытое письмо, клеймящее позором этих учёных, обвиняющее их в национальном самоунижении интеллигенции, в потере духа патриотизма и преданности социалистической Родине. Оно было разослано во все партийные организации страны. Им был вынесен «общественный выговор за коленопреклонение перед самыми ничтожными и продажными слугами иностранного капитализма».

Этот материал, как документ огромного политического значения, как программа работ нашей партии в области воспитания интеллигенции в духе патриотизма и преданности социалистической Родине, был разослан во все партийные организации страны (Есаков, Левина, 2005, с. 235–255).

Идеологический партийно-правительственный эксперимент над советской интеллигенцией ширился и продолжал охватывать её различные слои и уровни. Именно этим воспользовались оппоненты А.Р. Жебрака из лагеря Лысенко.

Спустя год после выхода статьи Жебрака в американском журнале, появился отзыв в журнале «Агробиология» — статья «Дарвинистко-мичуринская биология и зарубежный морганизм» И.И. Презента. Он обвинил А. Жебрака в том, что последний «плетется в хвосте буржуазных морганистов, <...> солидаризируется с реакционером Саксом в своей оценке теоретических достижений советской мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко» (1946, с. 68). Статья Презента не получила откликов.

6 марта 1947 г. газета «Ленинградская правда» обновлённым составом редколлегии опубликовала статью Презента «Борьба идеологий в биологической науке», которая отражала новый уровень научной дискуссии в генетике, подпитанный идеологическими построениями. Автор писал: «Последние решения Центрального комитета партии по идеологическим вопросам ко многому обязывает партийный актив и советскую интеллигенцию. Они обязывают вытравить какие бы то ни было остатки низкопоклоннического отношения к зарубежным идейным веяниям, смело разоблачать буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления». В разнузданной форме отзывался он о генетике: «Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики» (Презент, 1947).

Используя дипломатическую напряжённость во взаимоотношениях с США этот идеологический конъюнктурщик от науки, пользуясь безнаказанностью в своих антинаучных инсинуациях, пошёл дальше. Он назвал журнал “Science” фашистским, а К. Сакса «одним из профашистских мракобесов, подвигающимся в Гарвардском университете,

¹⁶ Правда. 1946. 21 авг. № 198 (10 280). С. 1.

<...> злопыхателе против марксизма». Он сообщил, что в СССР с ним полностью согласен профессор А.Р. Жебрак, так как «более интересно до каких пределов низкопоклоннического пресмыкательства перед загнивающей буржуазной наукой может дойти профессор, живущий в Советской стране и в то же время тянущий одну и ту же ноту с г-ом Саксом. А ведь именно так и поступил профессор Тимирязевской академии А.Р. Жебрак, который в статье, опубликованной за границей, по существу солидаризируется с профашистом Саксом в оценке достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко» (Презент, 1947, с. 2).

В соответствии с новой установкой на идеологическом фронте Жебраку был навешен ярлык низкопоклонства перед загнивающей буржуазной наукой. Но и эта статья Презента осталась незамеченной, не произвела особого впечатления, не получила никаких откликов и не отразилась на положении А. Жебрака. Тогда текст последней статьи Презент переслал в Москву в редакцию газеты «Культура и жизнь», рассчитывая, что газета поместит её полностью без обсуждения и комментариев. Однако редакция передала этот материал Жебраку с целью получения от него объективной оценки. Профессор дал очень обстоятельную рецензию на статью с привлечением большого количества фактического материала по истории 15-летних научных споров по генетическим вопросам в стране. Он предложил организовать на страницах газеты свободную научную дискуссию по этой проблеме.

Сопоставляя демагогическую статью Презента и солидный материал Жебрака, редакция газеты сочла для себя за благо не вмешиваться в научную полемику и не открывать на своих страницах научной дискуссии по малознакомой ей научной проблеме. Она вежливо отказала Презенту в публикации его статьи, ссылаясь на то, что она не соответствует профилю газеты.¹⁷

В начале 1947 г. Жебрак был избран депутатом Верховного совета Белорусской ССР, а 12 мая 1947 г. назначен Правительством БССР президентом АН БССР, с сохранением за ним научного руководства кафедрой генетики и цитологии растений Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Очередной выпад против Жебрака был сделан 30 августа 1947 г. в статье «На суд общественности», опубликованной в «Литературной газете». Статья была подписана тремя авторами: популярными в годы войны поэтами А. Сурковым, А. Твардовским, а также ленинградским журналистом Г. Фишем. Материал для статьи последний собирал с подачи Презента. Геннадий Фиш, известный популяризатор идей Лысенко, печатался в издательствах «Московский рабочий», «Молодой колхозник» и пропагандировал псевдонаучные измышления корифея мичуринской биологии. Для придания статье веса заведующий отделом науки и культуры «Литературной газеты» член ЦК ВКП(б) академик М.В. Митин попросил подписаться под статьей любимых народом поэтов. Они превратились в свадебных генералов, сторонников мичуринской биологии.

Прикрываясь этими фамилиями Г. Фиш дал волю своей фантазии и стал передергивать отдельные выражения Жебрака, не указав при этом ни времени написания статьи, ни описания международной обстановки того периода. У читателя складывалось впечатление, что Жебрак, став президентом АН БССР, выступил против Лысенко совсем недавно. Г. Фиш пытался убедить читателей, что Жебрак посвятил статью унижению и охаиванию передового советского учёного, известному всему культурному человечеству

¹⁷ Центральный архив общественного движения Москвы (ЦАОДМ). Ф. 379. Оп. 4. № 4. Л. 85.

своим новаторскими трудами в области физиологии и генетики академику Лысенко. Под видом объективного освещения состояния генетики в СССР Жебрак:

«целиком солидаризируется с наиболее реакционными профессорами (С. Дарлингтоном и К. Саксом) в оценке теоретических достижений мичуринской школы, возглавляемой Т. Лысенко. <...> В своем низкопоклонстве перед зарубежной наукой профессор Жебрак доходит до того, что фактически предлагает американским ученым вроде единого союза для борьбы против советского ученого Т. Лысенко» (Сурков и др., 1947).

В статье Жебрака ничего подобного не было, эти слова — сплошной вымысел Г. Фиша. Жебрак послал не одно письмо в адрес «Литературной газеты» с опровержением материалов Фиша, но никакого ответа по этому вопросу не получил. Его письма попадали на стол редактору отдела науки и искусства М.Б. Митину, который не давал им никакого движения. Разница во времени написания статьи Жебрака и статьи Фиша с соавторами составляла свыше двух лет. Между ними пролегла глубокая пропасть холодной войны со всеми вытекающими из нее идеологическими последствиями.

Не успели высохнуть чернила на статье Г. Фиша, как 2 сентября 1947 г. в газете «Правда» вышла разгромная статья «Антипатриотические поступки под флагом научной критики», написанная мало кому известным кандидатом экономических наук И.Д. Лаптевым, названным здесь профессором.

Экономист Лаптев, рядовой сотрудник сельскохозяйственного отдела газеты «Правда», непрофессионал в области биологии и генетики, тоже прибегнул к прямому передергиванию фактов, изложенных в статье Жебрака. Он произвольно переставил в своей статье высказывание о советской биологии Денна и Сакса, нарушив их хронологическую последовательность. Если в действительности статья Денна о советской биологии вышла в январе 1944 г., а статья Сакса о его несогласии с положением Денна увидела свет в апреле того же года, то в изложении Лаптева сначала статью опубликовал Сакс (Лаптев умышленно не указал дату выхода статьи), а затем Денн, якобы не согласившийся с мнением Сакса о советской биологии.

Далее Лаптев пишет: «касаясь вопросов физиологии, генетики и селекции, он [А. Жебрак] сознательно о таких корифеях науки умолчал, как Тимирязев, Мичурин и Вильямс, учение которых положено в основу работы современных советских исследователей в этой области» (Лаптев, 1947, с. 2).

Лаптев приписал Жебраку слова, которых не было в статье: «надо потерять чувство патриотизма и научной чести, чтобы заявить, что известный всему миру ученый-новатор в области генетики академик Т.Д. Лысенко не имеет отношения к биологии» (там же).

Оставим на совести Лаптева его утверждения о высоких урожаях при яровизации. К тому времени яровизация семян яровых культур, равно как и межсортовые скрещивания пшеницы в производственных условиях при помощи пинцетов с привлечением большой массы колхозников, не воспринимались всерьез практиками сельского хозяйства и считались очередным авантюрным трюком народного академика.

За критику идей Лысенко и объективный обзор генетических исследований в стране, Лаптев совершенно необъяснимо с точки зрения логики, обвинил Жебрака в низкопоклонстве перед буржуазной наукой, потере им чувства патриотизма. Особую ярость вызвала у Лаптева цитата из статьи Жебрака, написанная им в период дружеских отношений с США в апреле 1945 г.: «вместе с американскими учеными, мы, работающие в этой области в России, строим общую биологию мирового масштаба». «Так вот где оказывается источник антипатриотизма этого ученого!» — яростно восклицал Лаптев и продолжал: «Оказыва-

ется, нет в природе реакционной, идеалистической биологии, а, оказывается, есть только одна биология “мирового масштаба”. Отсюда понятен союз Жебрака с Дарлингтоном и Саксом и другими мракобесами из реакционного капиталистического лагеря».

Статья Лаптева звучала в унисон со статьей Г. Фиша, что указывало на одну и ту же режиссуру. Клеветнический труд Лаптева был щедро оплачен Лысенко. Через год, когда в тайне от общественности готовилась погромная сессия ВАСХНИЛ, он включил автора в список лиц, которых Сталин назначил действительными членами этой академии без проведения их выборов¹⁸. Ещё до этого Лаптев был повышен в должности. Из рядового сотрудника газеты «Правда» он стал заместителем главного редактора этой газеты¹⁹.

Сопоставляя статьи Фиша и Лаптева, можно отметить, что они написаны по согласованному сценарию: многие абзацы и фразы были фактически повторены. Это указывало на то, что действиями этих авторов руководили, преследуя одну цель — убедить научную общественность страны в низкопоклонстве Жебрака и в отсутствии у него чувства патриотизма.

Две статьи, направленные против Жебрака, были нешуточными — они привлекли внимание администрации Тимирязевки и её партийного комитета. Была создана комиссия во главе с кандидатом экономических наук Г.М. Лозой, которой предлагалось разобраться в материале и дать по нему развёрнутую оценку. Жебрака обязали дать объяснения по всем «исходным материалам» и дать письменное объяснение по совершившемуся факту, что он незамедлительно сделал. Секретарь парткома Ф.К. Воробьёв дал директивные указания членам комиссии: «Ответственность за поведение А. Жебрака ложится на партийную организацию ТСХА».

Для усиления общественно-политического резонанса на местах Воробьёв обязал редактора многотиражки «Тимирязевец» И. Горбача полностью перепечатать текст Лаптева из «Правды», что и было выполнено 15 сентября. На политзанятиях прикрепленные к студенческим группам политинформаторы по указанию парткома организовывали коллективную читку и обсуждение статьи Лаптева об антипатриотическом поступке профессора их вуза. При таком последовательном идеологическом воздействии на коллектив Академии реакция у слушателей могла быть только однозначной и не в пользу профессора.

Не зная истории многолетней полемики в генетике, не располагая первоисточниками, по материалам которой была написана статья Лаптева, у многих читателей складывалось впечатление, что действительно Жебрак встал на позиции буржуазной науки, что он тяготеет к тому капиталистическому, враждебному нашему строю лагерю, что он является чуть ли ни шпионом, работающим на Америку. В этот период отношение к Жебраку со стороны коллег по Академии резко изменилось.

Свое объяснение, предписанное ему, А. Жебрак представил 5 сентября 1947 г. В нём, в частности, говорилось: «Из моей статьи нельзя сделать никакого вывода о каком-либо низкопоклонстве перед иностранной наукой, так как я в первую очередь освящал вклад советских генетиков, живущих и работающих теперь. Аргументы моей статьи были рассчитаны не на самого Сакса, а на прогрессивные круги ученых зарубежных стран, которые хотят знать экспериментальные работы наших ученых. <...> я крайне удивлен произвольным подбором цитат, извращающих смысл моей статьи, и обратился в руководящие партийные органы разобрать мое заявление»²⁰.

¹⁸ Правда. 1948. 28 июля.

¹⁹ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.02.1948 г.

²⁰ Архив парткома Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

«Руководящими партийными органами» был А.А. Жданов, которому в тот же день Жебрак написал письмо. Он просил секретаря ЦК оказать ему содействие в публикации в «Правде» своего объяснения²¹. После своих объяснительных Жебрак оставался спокойным, так как был уверен, что сумеет доказать свою правоту и снять с себя обвинения. Однако партийные «товарищи» из парткома думали по-другому. Выступивший на заседании парткома его секретарь Ф.К. Воробьёв сказал:

«статья А.Р. Жебрака в американском журнале вызвала возмущение всей советской общественности. Ответственность за его поведение ложится на партийную организацию Академии, которая должна дать развернутую оценку его выступления в заграничной прессе».

Комиссия по делу Жебрака активно приступила к выполнению поручения. Её законопослушные члены в своей работе ориентировались исключительно на статью Лаптева. Подчиняясь партийной дисциплине, они не могли себе даже представить, что с лаптевской фальсификацией можно не согласиться, найти в ней заведомую тенденциозность и предвзятость в освещении событий. По их мнению, «заступничество» за своего коллегу может задеть «честь мундира» Академии и привести к непредсказуемым последствиям для всего коллектива Академии. Для перестраховки они решили руководствоваться указаниями секретаря парткома Воробьёва и придерживаться определения «как скажет партия, так и будет». Они даже не прочитали статьи Жебрака.

Особым рвением отличился председатель комиссии Г.М. Лоза. Он всецело находился под впечатлением недавно зачитанного на закрытом партсобрании академии закрытого письма ЦК ВКП(б) по делу Клюевой и Роскина и в деле Жебрака видел полную аналогию. Обуреваемый жаждой разоблачительства и ненавистью к «иностранщине», он предложил в проект решения вставить пункт о привлечении к партийной ответственности не только Жебрака, но и целиком Антифашистский комитет Советских учёных за то, что они передали в иностранный журнал эту статью. Предложение было одобрено секретарем парткома, так как по его представлению поднимало в глазах общественности авторитет партийной организации Академии, сумевшей не только изобличить в своих рядах «иностранного низкопоклонщика», но и пойти дальше — указать на его покровителя — Антифашистский комитет советских учёных.

Жебрак представил в партком свою объяснительную записку, но комиссия, ознакомившись с ней, нашла её неудовлетворительной и отклонила. Ни на одно заседание парткома, связанное с рассмотрением его дела, Жебрак приглашён не был. Вся подготовка к решению комиссии велась от него в глубокой тайне.

Время шло. Администрацию академии донимали звонки из приемной министра высшего образования С.В. Кафтанова, который проявил большую озабоченность к неординарному для министерства событию. Беспокойство парткому доставлял Тимирязевский райком партии во главе с первым секретарем райкома М. Галкиным, державший на контроле дело Жебрака. В финале этого спектакля всё дело взял в свои руки секретарь парткома Академии Ф.К. Воробьёв, который «по-большеvistки» форсировал процедуру предварительного рассмотрения.

20 сентября комиссия наконец положила на стол Воробьёва своё заключение о проделанной работе. Основным мотивом его содержания были две статьи против Жебрака в «Литературной газете» и «Правде»:

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. № 549. Л. 81–88.

«Чувство глубокого возмущения у людей науки, интеллигенции и всей советской ответственности вызвала антипатриотическая статья профессора А.Р. Жебрака, опубликованная в американском журнале “Наука” за 1945 г. С совершенно жесткой критикой, жесткого осуждения этого антипатриотического поступка выступила “Литературная газета” и центральный орган нашей партии — газета “Правда” <...> Статья Жебрака недостойна советского ученого. В этой статье ярко проявляется раболепие перед буржуазной наукой и стремление автора, во что бы то ни стало опорочить своего соотечественника академика Т.Д. Лысенко и представленную им передовую советскую биологическую науку. Все вышеизложенное свидетельствует о недостойном раболепии и низкопоклонстве А.Р. Жебрака перед зарубежной наукой и культурой»²².

Подписали заключение председатель комиссии Лоза, члены комиссии Борисенко, Крайнова, Незнанов, Шестаков.

Статья Лаптева в «Правде», её копия в газете «Социалистическое земледелие» (Лаптев, 1947а) вызвали возмущённые отклики в адрес Жебрака. Осуждению его низкопоклонства была также посвящена передовая статья журнала «Социалистическое сельское хозяйство» (Лаптев, 1947б), которая указывала, что «раболепие перед иностранщиной несовместимо для советского ученого, гражданина советского государства, идущего в авангарде передового человечества».

П. Вышинский в журнале «Большевик» характеризовал Жебрака как «подголоска буржуазных лжеученых, оказавшегося в плену у реакционных американских генетиков, клеветущих на нашу науку, ненавидящих все русское, советское» (Вышинский, 1947, с. 33).

Весь этот материал был приобщён к делу Жебрака в парткоме Тимирязевки и определял норму поведения администрации по отношению к нему. 22 сентября состоялось заседание парткома ТСХА, на котором был заслушан доклад Лозы, и постановили:

«Доклад комиссии, представленный партийному комитету, одобрить, выводы комиссии считать правильными. Партийный комитет считает необходимым поставить вопрос перед министерством высшего образования СССР о привлечении А.Р. Жебрака к суду чести. На очередном заседании партийного комитета рассмотреть вопрос о привлечении Жебрака к партийной ответственности. Обсудить антипатриотический поступок А.Р. Жебрака на факультетском и общем собрании академии»²³.

В тот же день на имя министра высшего образования СССР С.В. Кафтanova от имени парткома Академии им. К.А. Тимирязева было направлено заключение с перечислением уже известных обвинений в адрес Жебрака. В заключении говорилось: «Партийный комитет считает, что поступок профессора А.Р. Жебрака подпадает под действия Суда чести, в связи с чем просит привлечь профессора А.Р. Жебрака к Суду чести Министерства высшего образования СССР». Заключение подписали секретарь парткома Ф.К. Воробьёв и члены парткома Горбач, Немчинов, Одинец, Петров, Платонов, Струков, Шатилов²⁴.

Этот материал, согласно инструкции о судах чести, был передан по принадлежности парткому МВО СССР на рассмотрение, который также подошел формально к этому поручению. Он не ознакомился с первичными материалами (статьями Денна, Сакса, Жебрака), а ориентировался исключительно на статьи Лаптева и Фиша с соавторами-

²² Архив парткома Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

поэтами и заявлением парткома Тимирязевки. Поэтому в своем заявлении министру в оценке антипатриотического поступка Жебрака они ничего нового не внесли, кроме одного пункта — что профессор Жебрак оклеветал выдающегося советского учёного и новатора академика Лысенко.

Однако были и другие отзывы на статью Лаптева. 4 сентября 1947 г. сотрудница Государственной комиссии по сортоиспытанию Е.Н. Радаева направила письмо А.А. Жданову. Она писала:

«Под флагом борьбы за чистоту учения Дарвина — Тимирязева — Мичурина около 20 лет назад выступил Т.Д. Лысенко. <...> Вскоре, к великому удивлению и разочарованию советских ученых и колхозников, обнаружилось, что широковещательные предложения акад. Лысенко при практическом их осуществлении являются бесплодными. В результате <...> его имя в народе стало нарицательным. <...> За короткий срок акад. Лысенко развалил, или как говорили меду собой агрономы, произвел полную “трофимизацию” таких важнейших институтов, как ВИР, Сибинхоз, институт генетики Академии наук СССР и др. <...> Ему удалось полностью заглушить критику его ошибок, но вместе с критикой заглохло и развитие с.-х. науки. <...> Ничем иным как лысенковской фальсификацией, является выпад “проф. Лаптева”, помещенный в газете “Правда” от 2 сентября 1947, против А.Р. Жебрака. <...> Можно согласиться с предложением проф. Лаптева о привлечении к суду общественности антипатриотов, но скамью подсудимого заслуживает акад. Лысенко и его подхалимы в большей степени, чем кто-либо другой» (цит. по: Есаков и др., 1991, с. 161–162).

8 сентября А.А. Жданову также послал письмо генетик И.А. Рапопорт:

«<...> важно, чтобы высокий объективный престиж был не только у советской химии, советской физики, но и отечественной биологии. <...> Поэтому т. Жебрак поступает правильно, когда указывает на заслуги акад. Лысенко в агрономии и физиологии растений, но не прославляет за теоретические открытия в генетике, которые Лысенко еще не сделал. Фальшивая лесть роняет достоинство ученого больше, чем правда» (цит. по: Есаков и др., 1991, с. 164).

Письма Жданову в защиту Жебрака посылали и другие генетики и селекционеры: профессор МГУ Д.А. Сабинин, профессор Тимирязевки П.И. Лисицин, член-корреспондент АН СССР Н.П. Дубинин. Но эти обращения к Жданову остались без ответа. Судьба Жебрака была предрешена²⁵.

Литература

- Академик А.Р. Жебрак. Документы и материалы. Минск: Белорусская наука, 2007. 337 с.
Вышинский П. Советский патриотизм и его великая сила // Большевик. 1947. № 18. С. 26–58.
Дубинин Н.П. Генетика — страницы истории. Кишинев, 1988.
Есаков В.Д., Иванова С., Левина Е.С. Из истории борьбы с лысенковщиной // Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 125–141; № 6. С. 157–173.
Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские суды чести: «Дело КР». М.: Наука, 2005. 423 с.

²⁵ Дальнейшая история будет изложена в статье тех же авторов «Расправа и её последствия: Материалы “суда чести” над академиком А.Р. Жебраком», которая готовится к публикации в нашем журнале.

- Жебрак А.Р., Солнцева М.П.* Борьба за создание института цитологии и генетики в 40-х годах // Природа. 2012. № 4. С. 78–86.
- Лантев И.Д.* Антипатриотические поступки под флагом научной критики // Правда. 1947. 2 сент. № 207 (4773). С. 2.
- Презент И.И.* Дарвинистко-мичуринская биология и зарубежный морганизм // Агробиология. 1946. № 5-6 С. 49–69.
- Презент И.И.* Борьба идеологий в биологической науке // Ленинградская правда. 1947. 6 марта. № 54 (9700). С. 2.
- Савченко В.К.* Антон Романович Жебрак // Выдающиеся советские генетики / под ред. Д.К. Беляева, В.И. Иванова. М.: Наука, 1980. С. 138–147.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1990. 430 с.
- Сойфер В.Н.* Власть и наука. Разгром коммунистами генетики в СССР. М.: ЧеРо, 2002. 1020 с.
- Сурков А., Твардовский А., Фиш Г.* На суд общественности // Литературная газета. 30 августа 1947 г. № 36 (2351). С. 1.
- Хотылева Л.В.* Академик Антон Романович Жебрак: к 70-летию со дня рождения // Полиплоидия и селекция. Минск: Наука и техника, 1972. С. 3–9.
- Dunn L.C.* Science in the U.S.S.R. Soviet Biology // Science. 1944. Vol. 99. № 2561 (Januar, 28). P. 65–67.
- Dunn L.C.* Scientific interchange between the United States and Soviet Russia // Science. 1945. Vol. 101. № 2617 (February, 23). P. 200–201.
- Sax K.* Soviet Biology // Science. 1944. Vol. 99. № 2572 (April, 14). P. 298–299.
- Sax K.* Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 102. № 2672 (December, 21). P. 298–299.
- Zhebrak A.R.* Soviet Biology // Science. 1945. Vol. 102. № 2649 (October, 5). P. 357–358.

Tribunal. Documents on Preparing the «Court of Honor» for Anton R. Zhbrak in 1947

EDUARD A. ZHEBRAK, MARGARITA P. SOLNTSEVA

Nürnberg, Germany; m.solntseva@helpedv.de

In 1945, the member of the Belorussian Academy of Science, the professor of the Timiryazev Agricultural Academy, Anton R. Zebraк published in the American journal «Science» an article surveying Soviet genetics. In two years, because of the article Zherbak underwent a so-called «Court of Honor», which was the first in the post-war period of Lysenko and his supporters' great attack on biology and preceded the grievous implementation of the well-known 1948 VASKhNIL Session, which began the ban on genetics research in the USSR and the triumph of Lysenkoism for two decades. The article shows the selfless struggle of the geneticists for scientific truth and methods of those in power for the neutralization of the recalcitrants. Introducing the reader to numerous excerpts from the documents related to this history.